

Генри Барс

*И больше
НИКОГО...*

Новая фантастическая повесть

Генри Барс

**И больше никого... Новая
фантастическая повесть**

«Издательские решения»

Барс Г.

И больше никого... Новая фантастическая повесть /
Г. Барс — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-838945-0

Генри, к своему удивлению, понимает, что человечество погибает от смертельного вируса. Спустя весьма короткое время становится ясно, что ни он сам, ни его родные действию вируса не подвержены. Оставшись одни, эти люди решают спокойно дожить свой век, пользуясь всеми оставшимися после гибели цивилизации благами. Однако посетившие Землю в её роковой момент пришельцы ставят Генри перед непростым этическим выбором. Повесть полна размышлений на близкие многим темы, читателя ждёт неожиданный финал.

ISBN 978-5-44-838945-0

© Барс Г.

© Издательские решения

Содержание

Часть 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	32

И больше никого...

Новая фантастическая повесть

Генри Барс

Всех убью, один останусь!

Б. Ли

© Генри Барс, 2017

ISBN 978-5-4483-8945-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1

Ах, эти яркие цветные сны, неуловимо их отличие от яви... Они приходят, незванные и неотвратимые, к каждому из нас, и то пугают до онемения, то дарят надежду и мгновения эйфории, но всякий раз обманывают и исчезают почти бесследно. Счастье они или наказание, дар или проклятье? К чему даны они нам, зачем тревожат душу эти еженощные погружения в прекрасные, то устрашающие миры света и теней? Да ещё и в столь зрелом возрасте, когда неприлично и смешно даже перед самим собой взрослому серьёзному человеку витать в облаках и строить воздушные замки, когда накопившиеся за годы обязательства неодолимой силой тянут вниз, к земле, требуют быть успешным, уверенно стоять на ногах, когтями цепляться за места скользкую поверхность?

Серые перистые облака и громады свинцовых туч, надёжно скрывающие остывающее море от ласковых лучей солнца, заслоняющие яркую голубизну небес. Резкие и пронизывающие порывы студёного, по-морскому холодного ветра, ледяные солёные брызги в обветренное лицо. Скользкими ступенями убегающие в море плиты белоснежного мрамора, сковавшие, словно лёд, длинный узкий пирс. Роскошные корпуса комфортабельного отеля высятся за спиной, оставаясь невидимыми развалившемуся на многочисленных подушках в огромном белом, подстать мрамору, кресле мужчине. Шерстяной плед, укрывающий его до самого подбородка, уже стал покрываться тончайшим налётом солёной водяной пыли – ещё чуть-чуть и пора будет возвращаться под надёжную защиту крыши и стен.

И новое, незнакомое, недоступное ранее невероятное ощущение великолепного олимпийского спокойствия. Абсолютный штиль в прежде вечно штормящем океане сознания. А в неких таинственных и дремучих уголках израненной души ещё прячутся тонкие и колючие осколки тёмных тоскливых воспоминаний, отголоски привычной тревоги. О том, что так легко было отнюдь не всегда, и подобного неземного спокойствия не бывает в жизни земной, да и быть не должно. Что такая уверенность в себе и собственном светлом будущем не доступна простому смертному человеку в этом сумасшедшем мире, а спокойствие это преступно и даже постыдно.

А впрочем, всё это пустое, главное, что сейчас ему наконец-то было легко. Мужчина медленно поднялся, отбросил в сторону тяжёлый от влаги плед, потянулся, глубоко вдохнул, наполнив лёгкие ледяной свежестью весеннего морского воздуха. С высоты его роста стали видны тёмно-серые и чёрные громады волн, разбивающиеся вдали о камни и плиты на мириады брызг и пенных пузырей. Он помедлил ещё мгновение, спрятал лицо и волосы под непромокаемым капюшоном спортивной куртки и направился в сторону построек.

Генри открыл глаза, с трудом разлепив ресницы, склеившиеся во время сна какой-то колючей коростой. В спальне всё ещё было темно, но уже как-то не по-ночному. Совсем как незабвенные булгаковские коты, все эти до боли знакомые углы и стены имели безнадёжно утренний вид. Генри решительно не выспался, но знал, что вновь уснуть можно даже и не пытаться. Впрочем, всё это была привычная утренняя история. Хоть и говорят герои советских фильмов, что после сорока жизнь только начинается, такого здорового сна, как в восемнадцать лет, он уже и не помнил. Горло пересохло от всеобщего храпа и даже как-то отекло. Голова вроде бы и не болела, но вот давать работу шейным мышцам совсем не хотелось, инстинкт подсказывал не делать резких движений, не приманивать мигрень, прятаящуюся где-то недалеко. Да ещё эти сновидения!.. Сегодня ещё ничего, довольно приятно – любимое с детских лет море, уютный отель, похожий на тот, на греческом острове Родос, в котором так замечательно он с семьёй отдохнул позапрошлым летом. Правда во сне была

то ли осень, то ли весна, но он понял – это не страшно, похоже так даже лучше, свежесть, безлюдие и покой... А то иногда бывало такое ночью кино во сне показывали – Генри просыпался на мокрой от пота подушке, больше похожей на скользкую медузу, и поневоле начинал сомневаться в своём психическом здоровье, тревожно прислушиваясь к бешено колотящему сердцу. Чем-то, видимо, разгневал он бога сновидений Оле Лукойе, о котором рассказывала в детстве мама, и тот с удивительным упорством, забыв о том, что детство Генри давно прошло, посылает ему ночами кошмар за кошмаром.

Однако Генри не относил себя к категории людей, которым показаны длительные рефлексии, в особенности утром в будни. Он собрал остатки воли в кулак, самоотверженно поднялся с постели и прошествовал в совмещённый санузел, где совмещались не только ванная комната и, простите, туалет, но часто и ускользающие воспоминания о приключениях во сне с предчувствиями вероятных неурядиц на работе. Удачно совместив утренние гигиенические процедуры с уговорами самого себя не бросать всё к чёртовой бабушке прямо сейчас, а всё-таки сходить на работу, ну хотя бы ещё разочек, Генри твёрдо и решительно окунулся в омут нового дня.

Насколько он себе представлял, сегодня не предвиделось никаких необычных событий, всё та же ежедневная рутина: нужно будет откопать машину из-под полуметрового снежного наноса, причем желательно свою, доехать на ней до метро. Затем предстояло нырнуть в тёплое нутро подземки, занять, если повезёт, сидячее местечко и чуточку подремать до своей станции или сделать вид, что спишь, чтобы не уступать место настырным и энергичным пенсионерам, которых с утра в общественном транспорте не меньше, чем молодёжи. Ну а после метро – пешком на работу – любимую, необходимую, ненавистную. Всё это и было проделано с автоматической точностью, правда, посидеть не пришлось, получилось только прислониться спиной к поручням у дверей.

Выбравшись, наконец, на поверхность и хлебнув ледяного декабрьского воздуха, Генри удачно миновал перегруженный перекрёсток и зашагал по Большому Краснохолмскому мосту навстречу бесконечному потоку автомобилей – воплощению тщеславия и самолюбия людей, считающих себя, с основанием и без, российским средним классом. Уже не в первый раз, резво вышагивая по этому мосту и глядя на приближающееся офисное здание, он с некоторым удивлением замечал, как потихоньку разжимает свои стальные холодные клешни, отпускает сердце ставшая в последние годы привычной непрекращающаяся тоска. Вероятно, причина была в этом простом преодолении безмозглой стихии, бьющей температурные рекорды зимы или в предвкушении уютного тепла ультрасовременного рабочего места, комфорта огромного эргономичного кресла или в ожидании первого глотка утреннего кофе или чая, оттенённого ароматом мяты и лимона? Всё это возможно, но как бы то ни было, Генри в последние месяцы ходил на работу если не с желанием, то хотя бы без отвращения, и, благодаря этой малости, был неизмеримо счастливее большинства представителей «офисного планктона» и более крупной офисной фауны.

Его трудовые обязанности, чего греха таить, можно было назвать интересными с большой натяжкой, да и то разве что по сравнению с совершенно серыми и однообразными функциями его коллег. Так что эти внезапно возникшие отголоски теплых чувств к работе, скорее всего, объяснялись не проснувшимся к ней интересом. Вполне вероятно работа стала неким островком стабильности в море жизненных неурядиц, обрушившихся на Генри в последние несколько лет. Умом он понимал, что жаловаться на жизнь – грех, тем более ему. В семье все здоровы, слава богу, зарплата немаленькая, машина почти новая. Вот только с квартирой несколько не повезло – спустя год после покупки неожиданно начались отвратительные споры с бывшими собственниками, да и сама квартира куплена была в ипотеку. Конца и края этим проблемам не предвиделось. А Генри к тому же абсолютно не чувствовал в себе ни сил ни желания бороться и решать даже мелкие жизненные неурядицы. Как сказал один

из немногих его друзей – дипломированный психолог, кстати – здесь налицо типичный случай кризиса среднего возраста. Человек считает, что огромные усилия, приложенные им в течение жизни для улучшения качества этой самой жизни, отнюдь не соответствуют наблюдаемому результату.

– Ты не волнуйся! – с ехидной улыбкой просвещал его этот дружок. – Такой кризис наступает практически у всех. Все мучаются, все страдают, а потом привыкают – многие. И только некоторые берут себя в руки и что-то в своей жизни меняют.

Что-то поменять хотелось очень, однако всепоглощающая лень, неизвестно откуда выползающая по окончании рабочего дня, не позволяла предпринять ничего, кроме приготовления ужина, помощи ребёнку по урокам и тупого времяпрепровождения в социальных сетях. Эта самая лень сковывала по рукам и ногам не хуже наручников и ремней. Генри, по своему собственному самокритичному мнению, относился к тому невесёлому большинству серых и унылых инфантильных дядечек около сорока лет и больше, которым суждено просто смириться со своей участью и привыкнуть к перманентно-тухлому существованию. Не так давно в одной из популярных юмористических телешоу Генри услышал и взял на вооружение довольно пошлый, но видимо модный нынче термин «унылое дерьмо» по отношению к неинтересным и бесперспективным людям и со свойственной самокритичностью признался сам себе, что вполне соответствует этому определению.

Тем не менее, в своем нынешнем, прямо скажем нездоровом, душевном состоянии Генри откопал и один неслабый плюс, по крайней мере, нечто, ему самому казавшееся плюсом. Недаром говорят знающие люди, что нынче нет психически здоровых людей, есть только недообследованные – своим открытием Генри предусмотрительно не спешил делиться ни с кем. На днях, предаваясь очередному приступу депрессии, хотя его и лелея, обреченно задыхаясь от осознания бессмысленности, бренности и абсурдности бытия, он с удивлением обнаружил, что при мысли о неотвратимости смерти и о конечности земного существования, в душе его разливается приятная волна тепла, напряжение отпускает, сердце успокаивается, пальцы рук больше не сжимают неосознанно подлокотники кресла и не отбивают дробь по столешнице. И тепло это было чем-то действительно подлинным, реальным на уровне кинестетики, чувство это не содержало никакой рисовки и фальши. Генри осознал вдруг, что совершенно не боится своей смерти, наоборот, думает о ней как об избавлении и неотвратимости покоя. Как говорится, восход, закат и дембель неизбежны. Эта мысль согревала душу, хотя и чувствовалось в ней что-то кощунственное и не совсем честное. Тут же вспомнилось банальное «я не боюсь смерти, потому что никогда с ней не встречусь: я есть – смерти нет, смерть пришла – меня уже нет» и пелевинские попытки разъяснить суть дзен-буддизма широкому кругу читателей.

С другой стороны это странное заигрывание с костлявой старухой, это смирение с неизбежностью, безусловно, являлось уникальным ресурсным состоянием психики. Ты, как японский самурай, считающий себя уже мёртвым, не ведаешь страха, спокойно служишь своей вере, твёрдо гнёшь свою линию. И ничто не способно поворотить тебя вспять, и ты просто не способен на подлость – ибо зачем? Ты как скала, тебе лично ничего не надо, и ты не просто осознаёшь, что покидая этот мир, унесёшь с собой лишь память, ты уже получил всё, что было суждено.

Так или иначе, своему другу-психологу Генри ничего об этом своём открытии не рассказал. Вдруг он поймёт душевное состояние Генри как стремление к суициду или воспримет рассказ несерьёзно (либо наоборот слишком серьёзно), а пускаться в долгие разъяснения, доказывая недоказуемое, совершенно не хотелось. Как не хотелось и ронять мнение о друге, даже в своих собственных глазах.

На работе сегодня царило приподнятое настроение. Сквозь суровую серьезность лиц коллег, неофициально входящую в дресс-код, всё чаще просвечивали улыбки, из офисных

буфетов доносился женский смех. На завтрашний субботний вечер был намечен предновогодний корпоративный праздник в роскошном развлекательном центре с приглашением отечественных и зарубежных звёзд эстрады, с обильным угощением и не менее обильными возлияниями. Дамы обсуждали свои будущие наряды, мужчины прикидывали, а не организовать ли after-party в более узком кругу. Всех интересовал вопрос наличия парковочных мест, и как потом добираться домой на автомобилях «в таком состоянии».

Бизнес-план в этом году успешно перевыполнили, причем сделали это заранее, без излишней предновогодней нервозности. Народ ожидал немаленькую новогоднюю премию, прикидывал, на что её потратить или как поудачнее вложить. В кулуарах ходили слухи о «лишенцах» – поговаривали, что целому отделу срежут выплаты на тридцать процентов. Короче говоря, люди варились в приятных предновогодних ожиданиях, обычных и привычных для москвичей, но совершенно непонятных и недоступных жителям провинции.

После обеда Генри попивал чай со свежей мятой и мёдом прямо на своем рабочем месте, лениво просматривая ленту новостей, щурясь от яркого света широкоформатного монитора – головная боль, прячущаяся с утра, всё же его настигла. Ну ничего, две дешёвые таблетки, запитые чаем, и через полчаса всё будет в норме, надо было с утра их принять, но лучше уж поздно, чем никогда. Новенькая сотрудница Катя за соседним столом готовила поздравительные открытки для клиентов. Ей надо было исхитриться и впечатать текст поздравления в узкий и жёсткий бланк открыток, которые принесла из хозчасти ее начальница. Работа была в самом разгаре, у Кати что-то наконец стало получаться, и она периодически каким-то детским движением откидывала чёлку в сторону, так что становились особенно заметны её разбурившиеся от служебного рвения щёки. «Ничего так девочка, симпатичная», – глядя на это чудо природы, уже не скрывая своего внимания, в который уже раз отметил он, впрочем, как и большинство его коллег мужского пола и даже некоторые сотрудницы пола женского. Эта Катя, под предлогом неважного знания Москвы, только что ненавязчиво и как-то вполне естественно договорилась с Генри встретиться с ним завтра у метро и доехать до развлекательного центра вместе. Он не позволил мысли о том, что за ненавязчивостью и естественностью зачастую скрывается высший профессионализм, надолго задержаться в своей голове – оставим рефлексии для неудачников.

Но уже чуть позже, бросив критический взгляд на свой, мягко говоря, животик, Генри задумался, однако, о причинах такого неожиданного внимания и интереса к своей персоне, но тут же одёрнул сам себя ещё раз. «К чему эти мысли, ведь годы идут, и никто не молодеет, ну за исключением той ведущей новостей», – грустно улыбнулся он, глядя в панорамное окно на бесконечный поток машин, летящих по Садовому кольцу к неизбежной московской пробке. Быть может, в последний раз в этой жизни судьба или фортуна подарила ему свою мимолётную улыбку, и красивая молодая девушка обратила на него свой взор. И совершенно незачем анализировать причины, выбирая между своей сомнительной гипотетической ценностью в качестве её покровителя на новой работе и неотразимостью зрелого мужчины, перед которым не устояла эта жаждущая наслаждений молодая самка, настолько молодая, что ещё прекрасна даже в своей непосредственности и непостоянстве. Генри инстинктивно подтянул живот, расправил плечи и приказал себе выбрать второй вариант. «А почему, собственно, и нет, лови момент!» – Пробурчал он себе под нос и решил перейти по одной интересовавшей его ссылке в новостной ленте.

«Ранее неизвестный смертельный вирус свирепствует в Китае и Саудовской Аравии», – гласил заголовок. Сердце вдруг пропустило удар, оставив неприятное ощущение пустоты в груди, и Генри принялся внимательно читать, но подробный текст новости особой ясности не добавил. В статье говорилось о сотнях заболевших на Аравийском полуострове и тысячах в Китае. «Хм... Странно. Тысячи заболевших? Но ещё вчера вечером об этом не было ни слова, ни по телевизору, ни в интернете», – отвлёкся он на мгновение и снова вернулся

к новости. Всё начиналось с обычных симптомов гриппа, которые не проходили даже при раннем начале лечения, и несчастный больной через два-три дня тихо умирал, особо даже не мучаясь, просто ложился в какой-то момент передохнуть от чувства крайнего переутомления, засыпал и больше уже не просыпался. «Ситуация взята под контроль, очаги эпидемии локализованы. Поводов для паники нет, однако российским гражданам рекомендовано воздержаться от поездок в страны Азии и Африки». Как показалось Генри, текст не содержал никакой эмоциональной окраски, будто речь шла о выходе очередной модели посредственного смартфона или о новом прорывном открытии пресловутых британских учёных: «Ученые выяснили, почему кошки „стрекочут“ при виде птичек и белочек», – и всё, выяснили, теперь человечество спокойно, ученые знают, остальным это не интересно. «Степень опасности вируса, скорость его распространения уточняются, никто не может ничего сказать о способах передачи вируса, передаётся ли вирус воздушно-капельным путём, от человека человеку. Представитель Всемирной организации здравоохранения предостерег кого бы то ни было от каких бы то ни было инсинуаций и спекуляций по поводу возможного возникновения пандемии». Далее, тем не менее, следовали те самые журналистские спекуляции по поводу небывалой скорости распространения заразы, отсутствия действенной вакцины и возможности искусственного происхождения вируса, вырвавшегося на свет божий из недр секретных китайских или русских лабораторий.

Подобные новости часто всплывали в Интернете – до сих пор все они без исключения оказывались «утками», возможно специально запускаемыми в сеть фармацевтическими компаниями в целях увеличения продаж вакцин и лекарств по всему миру. Поэтому Генри, как и большинство интернет-пользователей – потребителей новостей на его месте, покачал головой, нахмурил брови и проследовал по новой интересной ссылке.

«К Земле движется необычный объект», – констатировал новый заголовок. В последнее время тема вероятного падения астероидов на Землю приобрела небывалую популярность. Генри с детства уважал теорию вероятностей и не исключал такого сценария развития событий, поэтому подобные новости, хотя и по диагонали, но просматривал. Однако в этот раз речь шла не об астероиде, а о гигантском объекте искусственного происхождения, предполагаемом корабле космических пришельцев. Генри с некоторой досадой закрыл новостную ленту – господи, такой серьезный сайт был недавно, а сейчас сплошная желтизна, – потянулся, привычно хрустнув суставами, и окинул взглядом солидных размеров зал – модный нынче формат размещения офисного планктона – оупен-спейс. Народ уже несколько утомился, коротая бесконечный рабочий день, предпраздничная весёлая суeta и приподнятое настроение остались в прошлом.

Одна из коллег, весьма капризная дамочка, довольно громко, чтобы её слышали окружающие, проговорила, добавив в тембр всю свою плаксивость:

– А вам не кажется, что нам давно пора отключить все кондиционеры, а то и так болеем уже все!

Надо отметить, что натоплено в помещении было просто нещадно, поэтому мужчины включали ненадолго вентиляцию (кондиционеры на зимнее время были отключены централизованно), почти тайком подбираясь к пультам управления, в надежде получить скромную дозу живительной прохлады.

– Согласна! – поддержала её соседка по рабочему столу. – Отключить кондиционеры и попросить дополнительные батареи! Или тепловые пушки, я знаю, у нас есть на складе.

Окружающие улыбнулись, а Генри, всегда страдающий от чрезмерной духоты, неожиданно для самого себя проворчал вслух:

– Может быть легче к чертям собачьим уволить двух куриц, а кондиционеры не трогать?

Катя громко рассмеялась, а мёрзнувшие подруги смерили его презрительными взглядами и принялись о чём-то шептаться, строя злобно-забавные гримасы. Шутки шутками, но в департаменте действительно многовато сотрудников кашляли, чихали, сопливились. Некоторые сидели, сжимая виски руками, видимо страдали от головной боли.

Генри, наоборот, после принятых таблеток чувствовал себя прекрасно. Он сходил в кофе-пойнт, открыл дверцу холодильника, украл и тут же прямо под камерой видеонаблюдения слопал чей-то бутерброд с московским сервелатом, вымыл и насухо вытер салфеткой свою чашку. Вернувшись на рабочее место, он вздохнул и решил всё же доделать ежедневный аналитический отчет.

Эту работу, честно говоря, он мог бы выполнить и с закрытыми глазами, совершенно не прикладывая умственных усилий. Но распространяться об этом не следовало, иначе тут же получишь дополнительное бестолковое задание с необходимостью периодического исполнения, но, естественно, без каких-либо материальных компенсаций. Таков уж стиль работы околосударственного предприятия – работаешь от и до, ни больше, ни меньше, работой соседей не интересуешься, излишней инициативы не проявляешь. А то, не дай бог, кто-то из коллег подумает, что ты покушаешься на их кровный функционал, нарушая тем самым их уверенность в завтрашнем дне. А вот попытаться самому свалить часть своей работы на потерявшего бдительность коллегу – это считалось в порядке вещей. Размышляя об этих неписаных правилах, принятых в его трудовом коллективе, Генри часто вспоминал прочитанную им в детстве и с тех пор не раз перечитанную книгу братьев Стругацких «Понедельник начинается в субботу». Со свойственным им сарказмом, авторы придумали и описали в этом произведении любопытный феномен: у нерадивых сотрудников магического института, пекущихся только о своём собственном благополучии, уши густо зарастали шерстью. Генри, к сожалению, не мог назвать ни одного из своих коллег, у которого в том институте уши сохранили бы нормальный вид. И насчет самого себя иллюзий он давно уже не испытывал.

Всё это, впрочем, было весьма печально, и подобные размышления вовсе не улучшали настроения, ведь он прекрасно понимал всю убогость, ущербность и вред подобных традиций в трудовом коллективе. Однако не менее ясно он представлял себе и всю бесперспективность борьбы с ними, а также опасность подобной борьбы лично для дерзающего, в чём он имел возможность лично убедиться (по молодости лет), но это уже другая история.

Доделав вовремя отчет, Генри посмотрел на циферки часов в углу монитора. До конца рабочего дня оставалось не так уж много времени, можно было уже начинать потихоньку собираться. Самые нетерпеливые коллеги успели переобуться и гуськом, стараясь не привлекать внимания начальства, потянулись в раздевалку.

Снег сегодня валил весь день без перерыва, стоящую у метро машину снова пришлось искать в сугробе. Сбрасывая размохрившейся от частого применения щёткой килограммы вязкой белой массы с крыши и стёкол автомобиля, Генри радовался, что заранее, не дожидаясь наступления новогодних праздников, отправил жену с ребёнком из Москвы к теще и тестю. Кто знает, сколько сегодня придётся провести времени в дороге до дома?.. Ничего, сын нагонит отставание в школе после Нового года, а в Москве без особой необходимости нечего делать во время таких погодных аномалий.

Природа на пару с погодой в этом году словно взбунтовались: морозы далеко за тридцать, снега выпадает по месячной норме за три дня. При таком раскладе поневоле засомневаешься в реальности объявленного глобального потепления. Запросто можно представить себя жителем заполярья: уходишь на работу утром – темно, весь день в офисе видишь только стены и мониторы, вечером едешь домой – темно, и только полярным сиянием в небе отражаются от снеговых туч многочисленные прожектора торгово-развлекательных центров.

А ещё больше эти лучи в небе напоминают кадры хроники ночных бомбардировок Москвы во время войны, того и гляди попадет в перекрестье световых потоков припозднившийся самолет, застучит зенитное орудие и пиши – пропало.

В перенаселённой Москве творился настоящий ад: автомобильные аварии и многокилометровые пробки, удивляющие даже видавших виды москвичей, обрывы электропроводов и падение деревьев и сосулек. Бывало даже, водители оставляли свои машины в пробке на ночь и шли ночевать в ближайшие отели, кафе или вовсе домой, напрямик. У подъездов домов с угрожающей скоростью вырастали циклопические сугробы, занимая и без того немногочисленные места для парковки. Некоторые машины до такой степени вмерзли в снежно-ледяные массы, что их хозяева потеряли всякую надежду увидеть своих железных коней до весны. Эпидемия гриппа свирепствовала второй месяц – пока, вроде бы, без смертельных случаев, но в иной день на работе не увидишь и третьей части коллектива. Не помогали ни хваленые импортные прививки от гриппа, которые на работе у Генри в добровольно-принудительном порядке сделали ещё осенью всем сотрудникам, ни разрекламированные поливитамины и противовирусные средства. «Да, неизвестно, чем всё это кончится, если и дальше так всё пойдет!» – как заправский старикан подумал Генри, и грустно сам себе улыбнулся.

Добравшись, наконец, до дома, Генри почувствовал себя неслабо поработавшим, как когда-то после целого летнего дня в деревне на окучивании картошки. Он наскоро сварил себепельменей, обжарил на раскалённом оливковом масле и теперь уплетал их с маринованными помидорчиками, сидя перед телевизором. Обычный вечер обычного офисного работника: отсутствие простого человеческого общения и неумеренность в еде. Ну, когда ещё с таким удовольствием отравишься обжаренными пельмешками, как ни в дни отсутствия дома жены.

Переключая десятки телеканалов, Генри, как это часто случается, по неясной для самого себя причине остановился на новостном канале. Судя по выпуску новостей, не только погода, но и весь мир словно съехал с катушек. В США опять какой-то школьник расстрелял из автоматической винтовки своих одноклассников прямо во время уроков, а потом отстреливался из гранатомёта от прибывших полицейских. Палестинцы запустили несколько самопальных ракет по Израилю, в ответ израильская авиация разбомбила две базы исламских боевиков, одна из которых находилась на территории клиники, другая – в мечети. Какие-то арабы зачем-то казнили два десятка других арабов и вместе с ними европейских журналистов. В Германии поймали престарелого извращенца, который убил за десять лет более сотни человек. В Бельгии взорвался завод с опасными химикатами, и пламя уже вторые сутки не могут потушить. Во Франции какой-то гад на грузовике задавил почти сотню человек. В Малайзии на городские кварталы упал пассажирский самолёт. Индия и Пакистан грозят друг другу ядерным оружием, Северная Корея грозит таким оружием всему миру. А кроме этого, экономика еврозоны надёжно и всерьёз погрузилась в рецессию, госдолг же США достиг таких размеров, что его предлагают просто засекретить и не морочить людям мозги. Экономические санкции против России и события на Украине уже набили оскомину, и слушать про них стало просто неинтересно, несмотря на весь трагизм ситуации.

Что-то в мире разладилось, для Генри, по крайней мере, это было очевидно. Он почему-то упускал из виду не менее страшные события прошлых веков, не замечал того факта, что во все века на Земле происходило что-нибудь, казавшееся людям катастрофичным. Взять хотя бы те же эпидемии средневековья, выкосившие угрожающий процент населения, две мировых войны, ядерные бомбардировки японских городов, аварии на атомных станциях. Но, как говорится, *довлеет дневи злоба его, и своя рубашка ближе к телу*. Кстати говоря, ни в коем случае не подвергая сомнению их истинность и мудрость, Генри считал подобные

присказки девизом плывущих по течению эгоистов – типичных представителей современного столичного общества.

«Сюр какой-то! – подумал Генри, – да ещё грипп этот в Азии». Сегодня днём, после прочтения новости об эпидемии где-то глубоко, почти в подсознании, появилось и уже не покидало его предчувствие близости великих перемен, влекущих за собой кардинальное решение всех жизненных проблем – к лучшему или к худшему, как знать? Генри и сам не мог бы облечь в словесную форму свои ощущения, не опасаясь потерять их, а, наоборот, боясь спугнуть их ненароком. Семена неясной пока надежды упали в жаждущую почву, оставалось дожидаться всходов. Сейчас же опостылевшая уже тревога – его привычная навязчивая спутница – немного отступила, позволив хотя бы временно вздохнуть свободнее. Он уснул при включённом телевизоре, конечно же, не вымыв посуду после ужина.

Мужчина перетащил диван под навес, сплетённый кем-то видимо вручную из прутьев тростника, дающий некоторую условную защиту от дождя, но отнюдь не создающий никаких преград бодрящему бризу, задувающему с беспокойного Средиземного моря. Он налил себе в высокий хрустальный бокал вкуснейшей зеленоватой жидкости, открыв найденную в капитальном в винном погребе бутылку с надписью «Mojito», и теперь потягивал её через тонкую пластиковую соломинку, наслаждался мятной сладостью с лёгкой кислинкой, облокотившись на высокую спинку дивана, обитую белой льняной тканью. Батарея бутылок с не менее интересными названиями стоял у стены, охлаждалась до температуры окружающей среды, дожидаясь своей очереди.

Во всём огромном отеле теперь не было ни одного чужого человека – ни живого, ни мёртвого. Зато, до того как зарядил этот не по-весеннему бесконечный дождь, можно было послушать щебет и трескотню сотен птиц, облюбовавших полуголые кроны деревьев вокруг отеля. Птицам теперь некого опасаться и они заметно осмелели в последнее время.

Сменивший на краткий миг направление ветер принёс терпкий горьковатый запах дыма. На пустыре за отелем догорали погребальные костры, и более романтическая натура могла бы вообразить, что их дым уносил с собой последние воспоминания о погибшем человеке. А для него это была не более чем окончательная зачистка своей территории. Даже не зачистка, а всего-навсего уборка.

Запах дыма прогнал мечтательный настрой, и мужчина, так и не присев, направился в свои покои готовиться к завтрашней охоте. И он, и его отец, и его сын предвкушали намеченное на завтрашний день развлечение, в особенности последующий после охоты пир.

Сегодня Генри опять проснулся затемно, так рано, что, казалось, ещё черти по углам сидят, и лежал, тупо уставившись на жёлтые зайчики на потолке. Вдруг вспомнились знакомые с детства строки:

В сон мне – жёлтые огни,
И хриплю во сне я...
Повремени! Повремени! —
Утро мудренее!..¹

Если вчерашнее раннее пробуждение ещё можно было как-то оправдать необходимостью идти на работу, то сегодня причины изображать из себя жаворонка следовало бы ещё поискать. И опять предательски засосало под ложечкой. Память-злодейка не даёт покоя дурной головушке, извлекая на поверхность все нерешённые проблемы. Как научиться не перемалывать уже сто раз перемолотое и перетёртое? Если проблема не имеет решения, стоит ли ежедневно тратить на неё свои драгоценные жизненные силы? Умом-то всю эту нехитрую

¹ Владимир Высоцкий. «Моя цыганская»

мудрость Генри понимал, но воплотить своё понимание в реальность не умел. Как бы пригодилось сейчас умение медитировать, погружаться в трансовое состояние, слушать свои мысли как бы со стороны, постепенно прогоняя их прочь. Казалось бы, всего-то: сесть поудобнее, закрыть глаза, представить, что погружаешься в тепло океана безмыслия и спокойствия, а затем увидеть, что этого океана нет, вокруг одна только пустота, и этого «вокруг» тоже не существует, и тебя самого нет, и пустоты нет, а есть только вечность, и эта вечность ты. Однако овладеть этим искусством было недосуг, Генри до сего момента успел собрать одни только отрывочные сведения, надергав их из разных книг и бесед с якобы знающими людьми. Да и все практические попытки заняться медитацией вызвали у него в лучшем случае лишь разочарованную улыбку. А в худшем... Но не будем о грустном.

Сейчас же вместо океана спокойствия имелось только ощущение пустоты под сердцем, и в какой-то момент оно стало физически невыносимым. Генри встал с кровати и зашагал по комнате: от окна к двери и обратно, двенадцать шагов туда, двенадцать обратно. «Ну что, спёкся, дружок?»». Как же хорошо было во сне. Детали уже улетучились, оставалось только смутное воспоминание об абсолютном, беспредельном счастье и спокойствии. «А может быть, мне снится рай? – Генри не переставал вышагивать, разговаривая сам с собой, как когда-то давно, в детском саду, пытаюсь спастись от ужаса расставания с родителями на казавшийся бесконечным рабочий день. – Наверное, да. Если бы рай существовал, там все были бы счастливы, именно так, как этот человек в моем сне!»

Но тоска не отпускала, мало того, появилось ощущение иглы в сердце – острой и ледяной. Генри открыл форточку и принялся часто и глубоко дышать, вентилируя лёгкие. Стало чуть легче. В такие тяжкие мгновения Генри обычно сам себе обещал непременно обратиться за помощью к специалистам, отдавая себе отчёт в абсолютной ненормальности происходящего с ним. А ведь никто из его коллег и представить себе не мог, что с этим энергичным, весьма жизнерадостным, местами саркастичным молодым ещё человеком время от времени творится такая беда. Всё потому, что пресловутая ответственность главы семьи, необходимость обеспечивать её материальное благополучие до сих пор заставляли его брать себя в руки, надевать маску жизнерадостности и оптимизма и топать на работу. И визит к специалистам не просто откладывался, а отменялся совсем. Жизнь входила в прежнюю колею, становилась почти приемлемой. И так до следующего раза.

Он отошел от окна и включил компьютер, подождал, пока подключится Интернет-соединение, и вбил в строку поисковика слова «Транквилизаторы купить». Интернет с готовностью вывел десятки предложений, наименований, описаний. Изучив в течение двадцати минут показания к применению, дозировку и побочные эффекты нескольких зарубежных и отечественных препаратов, Генри решил всё же пока воздержаться от их употребления. Особенно его «порадовали» такие побочные эффекты как тревожные панические приступы и вероятные суицидальные попытки. «Да уж, медицина – не точная наука. Я же хочу от всего этого хоть как-то уберечься. А тут что?! Как могут у лекарства побочные эффекты быть тождественны симптомам болезни, для лечения которой они созданы?» – Что это, если не очевидная абсурдность бытия. Действительно, легко можно представить раздражительного человека, страдающего от тоски и отчаяния, находящегося в угнетённом, подавленном настроении. Принял такой человек новейший дорогой транквилизатор, и бац, суицид. А что подделаешь, побочные эффекты... Как говорится, не занимайтесь самолечением.

Телефонный звонок разорвал тишину, когда Генри держал в руках чашку свежезаваренного чая. Полседьмого, машинально отметил он и похвалил себя за то, что удержал чашку в руках, хотя от неожиданно громкого звука сердце опять пропустило удар – другой.

– Привет, сын. – голос отца в трубке был низким и глухим, как всегда. – Ты новости смотришь?

– Здравствуй! Я вообще телевизор редко включаю. – Соврал Генри.

– А ты всё-таки включи, сделай исключение...

Не вешая трубку, Генри отыскал на диване среди подушек пульт и включил первый канал. Телеведущая подчёркнуто спокойно, тихим будничным голосом говорила: «...просят всех сохранять спокойствие и по возможности не покидать свои дома. Все очаги инфекции в основном установлены и локализованы. Для граждан, напрямую не контактировавших с заболевшими, непосредственной опасности нет. Медики устанавливают, может ли вирус передаваться воздушно-капельным путём. Из официальных источников, пожелавших остаться неназванными, стало известно, что вирус большой угрозы не представляет, быстро погибает на воздухе и при воздействии прямых солнечных лучей. Разработанная российскими учёными вакцина находится на последней стадии испытаний и уже в ближайшие дни будет в массовом порядке доведена до населения...»

Генри сглотнул образовавшийся в горле комок, прокашлялся и поднёс телефонную трубку к уху:

– Ну ни фиги ж себе, что творится! – его голос предательски выдал «петуха» в середине фразы.

– Да уж!.. – буркнул отец. – Тысячи умерших в Москве, говорят, в основном на вокзалах и в аэропортах. Один раз только сказали в новостях и всё, больше не говорят. Как ты себя чувствуешь?

– Да вроде бы ничего... – Генри прислушался к себе. Не считая недавнего приступа тоски зелёной, всё было в ажуре – ни боли в горле, ни насморка, ни кашля. Голова не болела, как это часто бывало с утра, кости и суставы не ломило. – А какие, собственно, симптомы у заразившихся?

– Похожие на грипп, только всё очень скоротечно и заканчивается быстро и очень печально.

– А вы-то с мамой как? – задал главный вопрос Генри, ожидая худшего.

– Ты знаешь, вроде бы тоже всё в порядке. И мама, и сестра твоя с дочкой пока бодренько держатся, и дед с бабушкой здоровы. Ты давай, звони жене, узнавай, как там они! И не выключай телевизор, слушай новости! И вот ещё что... Мало ли как всё обернётся. Давай условимся, в случае чего встречаемся у нас, в Пензе, в нашей квартире. – Голос отца стал совсем мрачным. Генри собрался было уточнить, что отец имеет ввиду под этим «в случае чего», но вместо этого просто проговорил:

– Ну ладно, созвонимся ещё!

– Ты слышишь, что я говорю? – голос отца стал резким. – Созвонимся или не созвонимся, встречаемся здесь, у нас, понял?

– Да понял, понял, не волнуйся! – проговорил Генри, и отец, попрощавшись, повесил трубку. Генри уже и не помнил, когда отец так много слов говорил по телефону, видимо считает, что всё действительно очень серьёзно.

А по телевизору приятный женский голос продолжал утреннее новостное вещание: «Виталий Умищенко советует россиянам вести обычный образ жизни, соблюдая разумные предосторожности. Нет никаких причин отказываться от работы, пропускать учёбу, игнорировать праздничные новогодние мероприятия. Пейте поливитамины, часто меняйте марлевую повязку, передвигаясь на общественном транспорте, минимизируйте общение с иностранцами, говорит чиновник. Не забывайте старую русскую поговорку „Что русскому хорошо, то немцу – смерть“. Побольше оптимизма, жизнелюбия, всё будет хорошо. А теперь о курсе основных мировых валют...».

Что-то тут было не так, совсем не так! Чтобы СМИ² не разжигали истерию по поводу очередного выхода в мир нового смертельно опасного для всего прогрессивного челове-

² Средства массовой информации

чества вируса, не пугали зрительскую массу количеством смертельных случаев и анатомическим описанием осложнений, не рекламировали новое антивирусное средство – чудо импортозамещения, вовремя подготовленное детище отечественной медицинской науки и промышленности, заставляя толпы особо впечатлительных персонажей атаковать сетевые аптеки? Невероятно! Уже давно ни у кого не осталось сомнений, что именно этим СМИ и обязаны заниматься в обществе победившего капитализма, отрабатывая вложенные хозяевами и прочими спонсорами деньги. Сейчас же происходило нечто пугающе странное – события освещаются с точностью до наоборот. Телеведущие тихо увещевают будто бы напуганное население не поддаваться панике, вести обычный образ жизни. О количестве заболевших – ни слова, ни полслова, об умерших – тем более.

«Что ж, видимо на этот раз действительно серьёзно прижало! Вот оно и случилось, накаркали, наверное, в предыдущие разы! Реклама, конечно, двигатель экономики, но неужели никакого страха у них не осталось, никакого суеверия, простой осторожности, наконец! Точно, накаркали...» – Генри взял в руки пульт, сделал звук чуть громче и принялся переключать передачи. Так и есть, именно этого он подсознательно и ожидал – по всем основным телеканалам транслировали «Лебединое озеро» – верный попутчик катаклизмов в России, признак грозных потрясений. А вот по одному из псевдонезависимых западных каналов, идущему у его кабельного оператора на номере из четвертой сотни, показывали новости под рубрикой «No comments». Генри решил на них задержаться и уже через секунду буквально похолодел. Непонятно в какой стране проводилась спешная разгрузка пришедшего в порт белоснежного океанского лайнера исполинских размеров. Понурые люди в пыльных спецовках и в респираторных масках отгружали с лайнера прямо на бетонные плиты нечто подозрительно напоминающее трупы в серых и чёрных полиэтиленовых пакетах. На берегу уже высились штабеля из десятков, а может быть и сотен таких пакетов. Другие, не менее хмурые люди, довольно споро бросали выгруженные пакеты в кузова самосвалов. Объектив задержался на чернокожем мужчине, сидящем на высоком бордюре, он докуривал сигарету, затягивался и кашлял, выпуская дым, кашлял и снова затягивался. «Если на лайнере одни трупы, зачем они их выгружают, заразятся же сами! Уже наверняка заразились. Сжечь надо было это корыто, атаковать противокорабельными ракетами, пустить на дно ещё в океане!» – искренне недоумевал Генри.

Транслируемая картинка сменилась – теперь толпы мужчин арабской внешности пытались взять штурмом здание больницы, бородастые физиономии с бешеными глазами так и лезли в камеру, суета и гвалт стояли невероятные. Снова смена картинки – какой-то крупный пожар, мелькающие в огне и дыму мужские и женские азиатские лица, и опять стоны невыносимой боли и звуки мольбы о помощи. Генри просто не выдержал этого зрелища и малодушно продолжил своё путешествие по кабельным телеканалам.

Вот передача об особенностях жизни и выживания в российской столице. Идёт прямая трансляция ситуации на московских автомобильных магистралях. На Каширском шоссе полно машин, пока ещё едут, но уже с затруднениями. Проспект Мира летит, всё свободно. МКАД в районе Щёлковского шоссе – пробка. Вообще-то всё как всегда, где-то хуже, где-то лучше. Вот показывают метро, какой-то переход на Киевской – практически все в масках, море людей. Что ж, либо до России эпидемия ещё не докатилась, либо на наш народ зараза не действует. «Может, пронесёт и на этот раз», – промелькнула мыслишка, особой радости, впрочем, не принеся.

Генри вспомнил анекдот «из жизни», попавшийся ему недавно на просторах Интернета. Якобы каким-то хакерам удалось взломать американскую национальную систему оповещения о ядерных атаках и прочих катастрофах. Эти хакеры подключились к системе и запустили заикленное сообщение о начале зомби-апокалипсиса. Голос с интонациями профессионального радиоведущего сообщал о многочисленных зарегистрированных слу-

чаях встречи людей с восставшими из могил покойниками. Ходячие мертвецы, мол, настроены отнюдь не дружелюбно, следует любой ценой избегать контактов с ними, при встрече стрелять им в голову или в живот, желательно из оружия крупного калибра. Через полчаса государственный контроль над системой был восстановлен, спешно передали опровержение. Но сообщение, видимо, попало в весьма благодатную почву – народ стал бурно обсуждать происшествие в Сети, в том числе оставляя комментарии к новости. Самый популярный комментарий, лидирующий по количеству «лайков» с огромным отрывом, был следующим: «Нельзя давать людям надежду и потом вот так просто её отнимать!»

Смешно, конечно, да только автор комментария вряд ли так уж шутил. Нет, скорее, наоборот, он был абсолютно серьезен. А если так, то возникают интересные вопросы. Неужели настолько не по нраву обыденная жизнь столь значительному количеству людей? Получается, что очень многие мечтают о любых изменениях, даже катастрофических, лишь бы только не жить так, как сейчас. Квалифицированное медицинское обслуживание, комфортное жилье, работа за компьютерами в чистых кондиционированных помещениях, изобилие еды и одежды в магазинах, социальная защита, электронные гаджеты, компьютерные игры, Интернет, телевидение и кино – всё это люди готовы выбросить на помойку ради любого другого будущего, пусть даже связанного с апокалипсисом и восставшими мертвецами. И эти люди продолжают терпеть обычную повседневность возможно только потому, что им не хватает решимости всё изменить, не заложена воспитанием решимость в современных людей, в особенности в политкорректных американцев.

Так почему же в реальной жизни и судьбе среднего обывателя из Европы, Америки, да и из России тоже и в его мечтательных грёзах об оных сложилась такая явная нестыковка, каковы могут быть причины? Генри по свойственной российской интеллигенции привычке размышлять и составлять мнение на несвязанные с трудовой деятельностью темы не раз задумывался над этим непростым вопросом и, конечно же, составил своё «экспертное» мнение. Он с недавних пор почти всерьёз считал, что человечество, возможно, ошиблось с выбором пути своего развития. Он очень любил одну присказку: «Если ты на своем рабочем месте не можешь сидеть в трусах и пить пиво, значит, где-то в своей жизни ты свернул не туда!..» Вот так и человечество где-то в своей истории сделало неверный шаг, а может быть и не один, сбивший нас с верного пути, скорее всего уже безвозвратно. Ведь, честно говоря, мы даже к звёздам перестали стремиться. Вершина человеческой мысли – информационные технологии и компьютеры, и те используются в большинстве своем лишь для игр и развлечений. Либо для создания новых игр и развлечений. Конечно же, размышляя подобным образом, Генри прекрасно осознавал и всю наивность своих логических построений, и их практическую бессмысленность, в разговорах с женой, друзьями, да и с самим собой называл их демагогией и почему-то выдержкой из теории заговора. Но такими короткими зимними вечерами, когда порой хочется не просто передохнуть в перерыве между однообразно-напряжёнными рабочими буднями, а так договориться со своей судьбой, так выстроить свои отношения с удачей, чтобы вообще больше никогда не заниматься унижающей человеческое достоинство добычей ежедневного куска хлеба, бывает весьма приятно выдать домочадцам длинную наукообразную сентенцию о тупиковом пути развития несчастного человечества, обрекающего себя если не на скорую гибель, то хотя бы на унылое угасание в виртуальной реальности либо просто с новейшими гаджетами в слабых ручёнках. И тут же скромно-стыдливо обозвать свои мысли демагогией, понимая в глубине души, что возможно ты просто занимаешься поиском оправданий своей неспособности заработать кусок богатства достаточного для безбедного существования твоих близких размера.

А может быть, люди просто не ценят то, что имеют? Ведут себя как зажавшиеся свиньи, возмнившие о себе неизвестно что? Ведь выдерни за ушко среднего обитателя мегаполиса двадцать первого века из привычной среды обитания и помести его пусть даже в Лон-

дон или Нью-Йорк века девятнадцатого или не дай бог восемнадцатого, тут и придёт к нему осознание всех благ цивилизации, которых этого обывателя лишили. Ведь не будет у нашего бедняги ни нормального отопления холодными ночами, ни медицины с эффективными антибиотиками, антисептиками и анестетиками, не будет телевидения и радио, не говоря уж об Интернете. Придётся забыть об общественном транспорте и добираться в требуемую точку пешком или, чем чёрт ни шутит, вообще верхом, тратя на это уйму времени. А о правах человека, тем более женщин, в мире вообще никто не слышал, не говоря уж о правах всяческих «меньшинств». И вот сидит это несчастное дитя двадцать первого века у своего лондонского окошка, пригорюнившись смотрит на Биг Бен и понимает, что у него заболел зуб. Ну всё, хватит о грустном, вернём уже беднягу домой, может быть теперь поменьше будет ныть и ворчать. Но это, как говорится, не точно.

Да, может быть человечество и обнаглело в своей сытости, однако на своем собственном примере Генри смел утверждать, что лично он по-свински себя не вёл, и вполне осознавал ценность ежедневного куска хлеба с маслом, а то и с икрой, и возможность ночевать в тёплой постели. Тем не менее, его неудовлетворённость своей жизнью всё равно достигла размеров, при которых в опасности оказалось физическое и психическое здоровье.

А если вот эта склонность к пустым размышлениям, к бессмысленному, по сути, анализу всего и вся, являющаяся видимо неотъемлемым атрибутом человека разумного, и есть главная причина его неудовлетворённости и тоски? Допустим, проанализировав происходящее вокруг и свои мысли и ощущения по этому поводу, средний европейский или американский обыватель осознает пагубность созданного и почему-то общепринятого в настоящее время мироустройства, растрачивания своей единственной жизни на бесконечное зарабатывание денег... Дальше то что из этого понимания выйдет? Изменится хотя бы минимально жизнь этого винтика системы? Скорее всего, нет. Вздохнёт он тяжело и горестно, пожалеет сам себя в сотый раз, и снова включится в неостановимое движение безжалостного механизма по производству денежной массы. Если так, то люди, к сожалению, просто обречены на вечную тоску по несбыточному, возможно это и есть их основная функция во вселенной, бремя разумных существ.

Хотя, казалось бы, что мешает человеку вот прямо сейчас встать, выйти под зимнее солнышко, вдохнуть морозный воздух, обжигающий лёгкие? «Ага, и новый вирус подцепить!..», – услужливо и ехидно подсказал внутренний голос. Но, сейчас-то понятно, в свете утренних новостей страшновато, вирус действительно, а раньше-то что не давало бросить к чёртовой бабушке бессмысленную работу, ипотечную квартиру отдать банку, на радость его или горе? Уехать в деревню или вообще к морю, ограничить свои раздутые потребности, заняться простым физическим трудом, который единственно благороден и не унижает человеческого достоинства? Вроде бы ничего не мешает, наоборот, даже гипотетические размышления о возможности подобного развития событий улучшают настроение. Но видимо чувство самосохранения – этот политкорректный псевдоним трусости – всё же останавливает большинство людей от резких телодвижений, и современный уклад жизни остается неизменным.

Генри очнулся от размышлений, взял трубку и набрал номер родителей жены. Тёща ответила почти сразу, будто ждала звонка. После обычных приветствий сообщила, что с женой и сыном всё хорошо, они ещё спят.

– Зашла утром к ним в спальню, поцеловала потихоньку, чтобы не разбудить – температуры нет, слава богу! У нас с отцом тоже всё нормально, сегодня на улицу пойдем снежиков лепить – погода тёплая с утра, снег должен быть липким.

– Ну, хорошо, смотрите, берегите себя! – сказал Генри. Тёща тоже пожелала ему всего хорошего и повесила трубку.

Он сел за компьютер и немного почитал новости, публикуемые на солидных информационных порталах. Ничего особо катастрофичного в России пока не наблюдалось. «Если верить новостным агрегаторам, в Москве вообще всё в порядке. А на сегодня ведь корпоратив запланирован, если ещё не отменили, сходить, что ли?» – эта пришедшая в голову мысль показалась донельзя озорной. Он посмаковал её ещё немного и вдруг решил сделать зарядку. А потом поесть, чтобы не выглядеть на празднике голодным дикарём, а после еды погладить рубашку с брюками. Выполняя довольно замысловатые, но знакомые с детства упражнения, Генри ощущал неподдельную благодарность всего организма. Кровь бежала быстрее, мышцы, казалось, восстанавливали тонус и эластичность, настроение неуклонно шло в горку. Закончив зарядку упражнениями на растяжку, он принял душ и растёрся своим любимым махровым полотенцем. Жизнь определённо налаживалась. «Главное, чтобы не от слова «лажа», – мысленно усмехнулся он.

Что ж, теперь и поесть можно было с чистой совестью. А какая в наш информационный век время еда без телевизора? Современные люди неплохо закалены в плане совмещения поглощения и переваривания пищи с получением различной информации, не всегда приятной, а часто пугающей либо даже мерзкой – на аппетит это никак не влияет. Наоборот, многие считают, что еда без книги, газеты или телевизора – это деньги, спущенные непосредственно в унитаз.

На одном из многочисленных каналов с бесконечными новостными сюжетами рассказывали об остановке реакторов на атомных станциях во Франции и в Японии в связи с поголовным заболеванием персонала. В Париже и Токио собирались серьёзно ограничить подачу электричества, оставив на круглосуточном обслуживании только жизненно важные социальные объекты. На автобане в Германии между Гамбургом и Килем столкнулись сотни автомобилей. Причина – смерть прямо во время рейса, водителя туристического автобуса. «Неужели водителя настиг новый грипп?» – вопрошал корреспондент, озабоченно глядя с экрана.

Генри отодвинул от дивана столик с пустыми тарелками, откинулся на подушку и задремал, не выключая телевизор – сказала почти бессонная ночь и ранний подъем. На этот раз боги сновидений сжалились над ним и не мучили его усталую душу ни кошмарами, ни видениями прекрасного.

Он очнулся, словно от толчка, и, приоткрыв один глаз, пытался понять, что же его разбудило. Вот оно! Через полураскрытую форточку доносился звук церковного колокола. В сотне метров от двора его дома располагалась небольшая церквушка, но Генри не помнил, чтобы её колокол когда-либо так надрывался. Обычно ударит тихо и скромно один раз, кому надо – услышат. А сейчас, ну прямо набат какой-то. «И по ком звонит этот колокол? – вздохнул Генри, одновременно усмехаясь пафосности своей мысли. – Уж не по человечеству ли?» Колокольный звон не прекращался, наоборот, к нему стали добавляться автомобильные гудки – с каждой секундой всё чаще и громче. Генри подошёл к окну и закрыл форточку. Его мысли сменили направление – показалось уже не в первый раз за сегодня, что предстоящее корпоративное застолье будет выглядеть, по меньшей мере, неуместным, словно пир во время чумы. Хотя с другой стороны, кому какое дело! Не слишком ли мы много внимания уделяем стереотипам, и остался ли в них хотя бы минимальный смысл, в особенности, учитывая вновь сложившиеся обстоятельства? Ведь если всё происходящее – это начало конца, то каждый имеет полное право прожить последние дни в свое удовольствие и по своему усмотрению. Сколько фильмов он смотрел о последних днях человечества перед концом света – не пересчитать. В которых люди узнавали о неминуемой гибели планеты и пытались провести оставшиеся дни так, как надо было, если вдуматься, жить всю свою жизнь. Ведь человеческая жизнь обрывается внезапно, и любой может в данный момент проживать свои последние дни, не зная об этом. А об этом не надо забывать, наоборот, сле-

дует всегда иметь в виду, что может быть, ты видишь любимого человека в последний раз, и вести себя, и поступать соответственно, чтобы не было потом мучительно больно, пусть даже и на том свете. «А в чем, собственно, отличие для конкретного человека его гибели от гибели всего человечества вместе с ним? Да только в длине очереди в ад!» – с проявляющимся порой в его характере беспредельным цинизмом подумал Генри.

Генри добрёл до кухни и тщательно перемыл всю посуду, которой после отъезда жены накопилось уже слишком неприлично много. Если подумать, как это приятно, мыть посуду! Честно, голова свободна, руки заняты, да ещё и в тёплой воде – одно из самых приятных нелюбимых занятий человека. Ну а если ещё и хорошую музыку в наушниках включить, вообще сказка. Вернувшись в комнату, он критически осмотрел брюки и рубашку и нашёл их пригодными к употреблению без глажки. Вспомнился кстати один добрый институтский преподаватель и его рассказ о сухой стирке. На его вопрос, что такое сухая стирка, ни один студент не дал верного ответа, видимо потому что большинство ещё жили с родителями. А оказывается, для сухой стирки желательно иметь семь рубашек, каждая из которых висит на вешалке в шкафу. Ну а далее сам процесс: в первый день утром надеваешь первую рубашку, носишь ее один день и вечером вешаешь в шкаф на вешалку. Утром на следующий день надеваешь вторую и вечером вешаешь ее в шкаф. И так до конца недели. А в следующий понедельник снова берёшь первую рубашку с вешалки и носишь ее целый день. Помнится, в аудитории тогда искренне посмеялись, а девушки многозначительно переглянулись между собой. Однако пора уже было потихоньку одеваться и выходить, если он ещё собирался встретиться с Катей в метро.

На улице сегодня распогодилось: ярко и весело светило солнце, его лучи били прямо в глаза, отражаясь, от белоснежных сугробов и укатанных дорожек, словно от зеркала. «Надо было очки надеть!» – зажмурив глаза и не в силах разлепить веки, запоздало подумал Генри. Безбожно наморщившись и прищурившись, он практически на ощупь добрался до автомобиля. Сугроба на машине не было – снег не шёл со вчерашнего дня, и всё стало подтаивать на солнышке, бодро закапало с крыш домов. Путь до метро занял меньше пяти минут – настоящий рекорд скорости. Дороги оставались свободными, всё-таки субботний день, да и эпидемии народ побаивается, скорее всего. Все любят жаловаться на никчемную жизнь, а помирать всё равно никому неохота. Хотя русскому человеку всё нипочём, мы и на курорт едем отдыхать сразу после совершённого там теракта, не пропадать же путёвкам.

Вагоны метро тоже оказались полупустыми, запросто можно было даже присесть, не вызвав возмущения пожилых людей и их не ведающих сомнений добросердечных заступников. Но Генри предпочёл постоять, чтобы не мять дополнительно пальто и костюм, этим своим нелогичным поступком обратив на себя любопытное внимание немногочисленных попутчиков. Все пассажиры кроме него, помня видимо недавний завет Умищенко, прикрывали лица медицинскими масками. Так и ехали – одинаковые, словно клоны – изредка бросаая друг на друга беспокойные взгляды, в которых явно проскальзывали затаенный страх и невысказанные вопросы. Генри нацепил наушники-капли и включил музыку в своём смартфоне. Поражающий воображение своим тембром знакомый с детства голос запел, утрированно растягивая согласные звуки:

*Душу, сбитую утратами да тратами,
Душу стёртую перекатами, —
Если до крови лоскут истончал, —
Залатаю золотыми я заплатами,
Чтобы чаще Господь замечал.
Чтобы чаще Господь замечал!..*

Уже не первый год его музыкальные предпочтения ограничивались в основном Высоцким, он буквально физически не мог больше слушать ничего другого. Время шло, и в зна-

комых с детства песнях открывались новые смыслы. Не больше месяца назад Генри вновь открыл для себя песню «Купола российские», слушал её и в метро, и на сон грядущий, смотрел видео одного из последних концертов автора, ворчал в адрес певца Григория Лепса, крайне неудачно, по мнению Генри, перепевшего это произведение. Поражался тонкому, почти незаметному упрёку, обращённому к богу, несмотря на своё всемогущество, забывающему порой о великой и несчастной стране. И в этом же упрёке непостижимо присутствовала вера в особое, более близкое внимание бога именно к России. Чуть ранее он также растворялся душой в песнях «Моя цыганская» и «Кони привередливые», а до этого заслушивался «Райскими яблоками». В этом был своего рода юношеский максимализм – у мужика сорока лет от роду – но вся остальная музыка, попадавшая в сферу его восприятия, на фоне творчества Высоцкого казалась безнадёжной фальшью или неинтересной банальностью. Мама и жена в один голос советовали ему в таком случае обратить внимание на классику, и он намерен был в ближайшее время последовать их советам, но вот пока как-то не сложилось.

Чуть не прозевав нужную станцию, он перебрался на Кольцевую, проехал до следующей остановки и пересел на Сокольническую линию. Вот и Черкизовская – конечная точка, пункт назначения тысяч «челноков» девяностых годов прошлого века. Для проведения предновогоднего торжества в этот раз руководство его предприятия арендовало несколько корпусов так называемого Измайловского кремля, весьма симпатичного, стилизованного под деревянный замок новостроя.

А на выходе со станции его ожидала Катя. И этот, ставший теперь очевидным, факт, что она действительно ждала его, и их договорённость не оказалась глупым розыгрышем, добавил несколько бонусов к его самолюбию, да и просто окончательно привел настроение в порядок. Девушка тоже была без медицинской маски. Белая норковая шубка поверх вечернего платья цвета слоновой кости, обворожительная улыбка, огонь в глазах, стремительность движений. «Надо было всё-таки погладить брюки», – Генри почувствовал себя неловко, как провинциал в Большом Театре.

– Привет, как настрой? – с напускной бодростью спросил он и улыбнулся. Он всегда считал свою улыбку главным инструментом обольщения противоположного пола, не терявшим, по его убеждению, своих свойств с возрастом. Впрочем, улыбка помогала ему чаще не в делах амурных, а на работе, в общении с женщинами средних лет, стоящих выше него по служебной лестнице. Улыбнёшься так лишний раз тётушке, которая уже привыкла к всеобщей ненависти, глядишь, и решился твой вопрос без лишних проволочек.

– За-ме-чательный! – Катя разве что не подпрыгивала на месте от переполнявшей её энергии.

«Господи, может, она под кайфом? – вдруг поймал он себя на крамольной мысли. – Да почему бы и нет, сейчас это совсем не удивительно. Впрочем, даже если и так, какое мое дело?»

Девушка взяла Генри под руку, и они, ни дать ни взять жених с невестой, зашагали к автобусу, из окон которого на эту парочку удивлённо взирали коллеги, доставляя ему этим своим вниманием немало удовольствия: «Будет о чём им посплетничать в понедельник!»

– Смотри-смотри, как пялятся! – фыркнула Катя, плотнее сжав его локоть своей ладошкой и рассмеялась.

Передняя дверь автобуса со змеиным шипением отъехала в сторону, они поднялись по крутой лестнице, прошли мимо водителя в тёплый уютный салон и уселись на свободные места – Катя ближе к окну, а он около прохода. Отъезжать не спешили, поджидали задерживающихся. Можно было закрыть глаза и запросто представить себе, что ты сидишь в автобусе не в зимней Москве, а где-нибудь рядом с аэропортом города Антальи, ожидаешь, когда тебя отвезут в отель, по дороге рассказывая о достопримечательностях Турции. Катя кокет-

ливо откинула упавший на лицо локон и довольно громко, подпустив мёда в голосок, проговорила, обращаясь к Генри:

– Может быть, не пойдём на этот корпоративчик, а сразу ко мне? – Генри чуть не поперхнулся, но тут же сообразил, что сказано это, в основном, для их любопытствующих попутчиков.

– Ну, к тебе мы ещё успеем! – в тон ей ответил он. – Но, давай всё-таки посмотрим, для начала, чем нас сегодня собираются удивлять.

В салоне автобуса воцарилась абсолютная тишина, словно пассажиры ожидали продолжения их беседы. Катя вновь рассмеялась и отвернулась к окну. Да, теперь уж точно будет о чём людям посплетничать в понедельник. Но вот, наконец, выход со станции выплюнул очередную порцию их нарядных коллег, которые трусцой допрыгали до автобуса, ввалились в салон и распределились по свободным местам. Дверь с шипением закрылась, водитель повернул руль, автобус тронулся и медленно покатился к дороге. Катя положила голову Генри на плечо, они встретились глазами, и он ей подмигнул, вызвав лёгкую ответную улыбку. Через минуту она прошептала:

– Скажи, Генри, а почему ты Генри? Что за странное имя?

Обычно он не очень распространялся о происхождении своего имени, не любил говорить об этом с малознакомыми людьми, хотя с другой стороны, никакого секрета здесь не было. Раз уж девчонка проявляет к нему такой живой интерес, почему бы не рассказать ей.

– Мои родители, особенно мама, увлекались в молодости рассказами американского писателя О. Генри, слышала о таком? – Катя отрицательно покачала головой. – Его книги печатались в СССР, хотя и были в дефиците. Их можно было купить в книжном магазине, получив в нагрузку ещё килограмм макулатуры, и то, если очень повезёт. Этот автор в основном писал очень красивые и добрые рассказы о любви, человеческих взаимоотношениях. Твои ровесники сказали бы, что их «мимимишность» просто зашкаливает. Ты поищи в Интернете. Например, рассказ «Последний лист» или ещё лучше «Дары волхвов», очень рекомендую. Наверняка удастся бесплатно скачать. Так вот, сначала меня хотели назвать Геной, как моего деда, а потом подумали-подумали, и назвали Генри. Потому что созвучно и с дедом, и с этим писателем, видимо.

– А он уже умер, этот О. Генри?

– Да, умер ещё в начале прошлого века.

– Ой, ну тогда я не буду скачивать, ладно? Не люблю читать книги мёртвых людей! – такая, мягко говоря, непосредственность оттолкнула бы Генри от любого другого собеседника. Но в устах Кати даже эти слова прозвучали естественно и мило. Поэтому он оставил едкие замечания при себе и просто улыбнулся:

– Ну, не читай, если такая суеверная. Но тогда скажи, сама-то ты, что предпочитаешь в художественной литературе?

– Мне, например, нравится «ДухLess»³. Я читала книгу и фильм смотрела. Фильм даже больше понравился.

Генри этот фильм тоже смотрел недавно вместе с женой, дома по кабельному. Честно говоря, не зацепило, так, посмеялся в некоторых местах. Как сказал один его знакомый, если б не голые бабы, то и вообще там смотреть было бы нечего. Ну а девочки, безусловно, смотрят на артиста, исполняющего главную роль.

Дальше ехали молча, тишину и спокойствие нарушали только двое коллег в разных концах салона автобуса, кашляющие наперебой. Благо ехать было совсем недалеко.

³ Автор Сергей Минаев

– А ты почему без маски? – спросил Генри свою спутницу, когда они выбрались из автобуса и направились к кукольным теремам Измайловского Кремля. – Не боишься заразиться и умереть?

– Умереть боюсь, только вот презервативы не люблю, во всех их проявлениях! – ответила она и неожиданно для Генри покраснела. А может быть, просто мороз подействовал. «А циничность-то твоя, девочка, напускная», – подумалось ему, хотя недавно он был уверен, что по этому параметру современная молодёжь даст ему сто очков вперёд.

Уже вечерело, и стало заметно холодней. Небо потемнело, и появились первые огоньки звёзд. Они прошли мимо громких аниматоров, наряженных царём и царицей, навязчиво ловащих глаза прибывших гостей, мимо Емели, развалившегося на русской печи, мимо лотков с водкой, ликёрами и настойками, икрой и блинами, замёрзшим на морозце мёдом и вареньем. Потом постояли и недолго посмотрели на кузнеца, стучащего молотом по заготовке подковы, замерзли и проследовали в главный терем. Всё это время девушка не отпускала руку Генри, словно боялась, что он её оставит и пойдёт балагурить с мужчинами. Отдавая шубу гардеробщице, Катя вдруг закашлялась и кашляла долго, никак не могла остановиться, а потом скрылась в дамской комнате. Генри закусил губу, с мрачным видом потоптался у гардероба, прошёл в зал, взял себе клюквенный морс в запотевшем стеклянном стакане, выбрав его из целой батареи бокалов и фужеров, хотя с удовольствием выпил бы вместо него горячего чая, встал около колонны и принялся в ожидании спутницы рассматривать окружающих, прислушиваться к разговорам.

Услышанное им мало напоминало весёлый новогодний трép. Потому что об эпидемии гриппа, не на шутку разбушевавшейся за рубежом и пока, казалось бы, щадящей Россию, говорили практически все. В помещении стоял гул сотен голосов. Подогретые алкоголем коллеги в выражениях не стеснялись, о конфиденциальности и политкорректности не заботились. Генри прекрасно слышал, как по его левую руку, в группе программистов обсуждали количество жертв вируса в Китае. Нетрезвый разговор постепенно выводил их к мысли, что для Китая с его огромной численностью населения подобные катаклизмы могут даже пойти на пользу. Вскоре замдиректора департамента автоматизации рассказал бородатый анекдот про то, как китайская армия высаживалась на берег небольшими отрядами, по пять-шесть миллионов человек, и раздался дикий хохот почти десятка мужских глоток. Однако Генри, всегда тонко чувствующий скрытые настроения и мотивы окружающих, ощутил присутствие в этом смехе не менее дикого страха, граничащего с истерикой.

А по его правую руку, стоящие тесной группкой девушки сплетничали о двух своих коллегах, которые вчера целый день на работе кашляли, сопливились и чихали, чем напугали весь оупен-спейс. А сегодня, видите ли, до них никто не смог дозвониться, так что они вряд ли приедут праздновать наступающий Новый год. Но в тоне этих молодых хищниц Генри никакого страха не почувствовал, одно только злорадство. Он в очередной раз вспомнил, с кем он работает – с акулами, волками и змеями. «По-моему, в нынешней ситуации злорадство равносильно непроходимой тупости, – подумалось ему. – Ведь завтра такие сплетни могут быть направлены уже на твой собственный счет, если, конечно, завтра останется, кому сплетничать!»

Тут Генри с некоторым недобрым удовлетворением ощутил эхо злорадства уже в своих мыслях. Но тут с ожидаемой стороны пришло спасение от очередного приступа самокопания – Катя, наконец, вернулась, подхватила его под руку и повлекла к коктейлям.

– Ты в порядке? – с тревогой спросил Генри, и сразу почувствовал, что сморозил глупость. Катя выглядела бледной, как смерть, а нос и кожа вокруг глаз наоборот порозовели.

– Всё оки, жить буду, но возможно не очень долго! – её смех казался искренним, хотя и не слишком весёлым, и Генри было приятно осознать, что его новая подруга вовсе не размазня. Если даже такая опасность её не страшит, то и неизбежное расставание после недол-

гого романа, при условии что он вообще случится, не выбьет её из колеи. «Да, все мужики – предусмотрительные и расчетливые сволочи!» – так самокритично отреагировал он на собственные мысли.

Следуя указаниям аниматоров, они вместе прошли по лестнице на три этажа вверх и попали в огромный банкетный зал, по всей площади которого располагались обеденные столы на десять персон каждый, богато накрытые блюдами с закусками. Официанты сновали в проходах между столами, разнося напитки. Впереди возвышалась сцена и два больших проекционных экрана, которые сейчас показывали какой-то банальный новогодний видеоряд с наряженными ёлками и звездами эстрады. Чуть громче, чем следовало для фона, звучала незапоминающаяся инструментальная музыка. Народу за столами сидело довольно много, тем не менее, то тут, то там видны были свободные места. Часы недвусмысленно показывали, что пора бы уже и начинать, однако организаторы чего-то ждали.

«Где народ-то? – подумал Генри. – Неужели эпидемия уже свирепствует в и России, а люди не пришли, потому что заболели или боятся заразиться?»

Он встал из-за стола, якобы чтобы размять затекшие ноги, сунул руки в карманы брюк и внимательно оглядел зал. Вокруг знакомые всё лица, так сразу и не определишь, кто есть, а кого нет. Вот только мгновенно стало ясно: за отведенным для высшего руководства столом не хватало главного действующего лица, равно как и его заместителя, и, по слухам, любовницы по совместительству. «Всё правильно, они летали на той неделе в Малайзию на симпозиум, там вполне могли заразиться», – отметил про себя Генри, уселся на свое место, а вслух громко сказал:

– Ну, пора бы уже начинать, а не то и присутствующие разбегутся! – чем вызвал многочисленные смешки в зале. Генри не считал себя заправским шутником, если и шутил иногда, то только наполовину, оставляя место серьезному в каждой своей фразе. Однако часто его фразочки имели невероятный успех к его собственному удивлению и передавались потом из уст в уста.

Наконец один из высших руководителей вышел на сцену, попросил выключить музыку и с обезоруживающей улыбкой сообщил, что мы ещё немного подождём, главный уже едет, начинать без него было бы неудобно.

– Ну ни фига ж себе! – подал голос сидевший напротив за одним столом с Катей и Генри Денис. Это был симпатичный молодой человек с подтянутой фигурой, которой Генри тайне немного завидовал. – В США объявлено военное положение!

– Да не может такого быть! Кто тебе сказал? С чего ты взял? – вопросы посыпались со всех сторон. Коллеги окружили Дениса, заглядывая в экран его планшета.

– Вот, на всех новостных сайтах пишут! – взволнованно ответил Денис, протягивая Генри планшет, и тот принялся читать вслух.

Открытая страничка гласила, что по причине катастрофического распространения эпидемии гриппа среди населения, а также в связи со смертью президента США, вся власть в стране – исполнительная, законодательная, судебная – временно, до устранения эпидемии, её причин и последствий, переходит к созданному Национальному Совету Оборона во главе с вице-президентом. Первым же своим решением НСО ввёл в стране военное положение, ограничив некоторые традиционные права граждан США, такие как свобода слова и передвижения. Движимое и недвижимое имущество граждан, находящееся в их частной собственности, может теперь временно изыматься властями в целях борьбы с эпидемией, сохранения порядка и отражения возможной внешней агрессии. Власти обязуются соблюдать принципы минимизации ущерба для населения и разумной достаточности экспроприаций. Кроме того, армии США передавались все полномочия по борьбе с мародёрами.

«Как же молниеносно всё переменялось!» – подумал Генри. Ведь ещё какую-то жалкую неделю назад смерть президента США стала бы мировой новостной сенсацией, которой

журналистская братия кормилась бы немалый срок. А теперь эта новость преподносится как второстепенная, как одно из последствий грозных событий, охвативших весь мир. Самое пугающее, что ничего не говорят о биржевых индексах и курсах валют, как будто это уже никого не интересует.

– Да, а вот это уже по-настоящему серьёзно! – тот самый представитель высшего руководства, оказывается, стоял за спиной Генри и тоже внимательно слушал.

– Да нет, не просто серьёзно, это, если говорить без мата, катастрофа, настоящий коллапс! Особенно, если учесть, что ещё позавчера об эпидемии вообще никто ничего не слышал. Если события будут развиваться с подобной скоростью, то не поможет никакое военное положение, – говорила сотрудница бухгалтерии, а Генри наблюдал за эмоциями окружающих, удивляясь собственному спокойствию. – Как бы эти америкосы стрелять не начали. А то долбанут чем-нибудь термоядерным напоследок.

– Ну и что? – срываясь на визг, прокричала вдруг женщина в красно-чёрном платье, заставив окружающих ошарашенно повернуться в её сторону. – Какая разница, если скоро всё равно все умрут от гриппа. По мне, так уж лучше от ядерного взрыва, мгновенно. – она трясущимися руками налила себе фужер водки, забрызгав скатерть и платье, и принялась пить мелкими глотками, словно воду, потом поперхнулась, швырнула на стол фужер, чуть его не разбив, и, приложив ладони ко рту, побежала в сторону выхода из зала. Люди опускали глаза и нервно отворачивались, чтобы не видеть этой отвратительной сцены.

– Насколько я помню, в новостях говорили о нашей вакцине, которая проходит последние испытания? – включилась в разговор Катя.

– Новости всегда следует читать между строк. – задумчиво проговорил представитель руководства и удалился за свой столик.

На несколько минут повисла странная библиотечная тишина, которую прервало объявление человека в смокинге, вышедшего на сцену:

Уважаемые гости! К своему огромному сожалению вынужден вам сообщить, что приглашённая на наш сегодняшний праздник певица Вийонсе не сможет порадовать нас своим выступлением. – человек в смокинге отошёл от микрофона, освободив место молодой чернокожей женщине в теле. Она извиняющимся тоном сказала на английском несколько фраз, поклонилась и покинула сцену под сдержанные аплодисменты.

– Что она сказала? – спросила Катя.

– Она сказала, что очень расстроена трагическими событиями в её стране и во всём мире и не считает возможным выступать на сцене в такое время. Попросила прощения и ушла.

– Да, времена меняются. – пробормотал Денис. – Раньше, насколько я слышал, у артистов было принято играть до последней минуты, даже на тонущем корабле. – он налил себе виски, выпил и закусил одним из многочисленных канапе. Генри одобрительно за ним наблюдал.

– Генри, а Генри? – Катя взяла его ладонь в свои руки. – Может и нам не стоит тут слишком задерживаться? Между прочим, я не шутила, и мое предложение в силе, мы можем хоть сейчас сбежать ко мне!

Генри, честно говоря, ожидал такого поворота событий, хотя, впрочем, и не так скоро. Можно было бы ещё немного подождать, но интуиция подсказывала, что ничего хорошего и позитивного в этот вечер *здесь* не произойдёт.

– А что мы будем у тебя делать? – попытался он пошутить. По своему богатому опыту, приобретённому во времена бурной молодости, Генри знал, что такой вопрос в подобной ситуации вызывал у девушек весьма разнообразные реакции: некоторые смертельно обижались, другие включались в игру и пытались намекнуть на предстоящие развлечения. Этот

вопрос был ещё и своеобразным тестом, прекрасно показывающим, стоит ли продолжать общение с этой конкретной подругой либо разумнее будет воздержаться.

– Ну, мы что-нибудь придумаем! – Катя будто бы не обиделась, но глазами всё-таки стрельнула.

Генри хотел ещё добавить, что женат, но решил не нарываться, опасаясь испортить вечер, тем более его семейное положение было Кате прекрасно известно. Они тихо встали из-за стола, прошли к гардеробу, оделись и вышли на улицу. Уход по-английски всегда был в стиле Генри, и ему понравилось, что Катя вполне понимает и разделяет эту его маленькую странность. Проходя по стилизованному под старину мостику к воротам, они успели в полной мере прочувствовать, что зима не собиралась сдавать свои позиции. А сегодняшняя дневная оттепель – просто временное ослабление лютой морозной хватки.

У ворот кремля стояли сразу три машины скорой помощи. Их водители, кутившие рядом, подались было к Генри и Кате, но, поняв, что это не их клиенты, вернулись к своему занятию. «Наверное, уже за столом кого-то прихватило», – Генри впервые задумался, что и сам мог уже заразиться, и пока ещё прекрасное самочувствие грозило в любой момент обернуться своей полной противоположностью. Он снова, как и утром во время разговора с отцом, прислушался к себе. Никаких признаков приближающейся болезни и уж тем более смерти! А ещё, как и прошлым вечером, напрочь исчезла привычная тоска, вот уже несколько лет изматывавшая душу и сердце. Настроение было прекрасным и, казалось, улучшалось с каждой минутой, делая незначительными проблемы, ещё сегодня утром казавшиеся самыми важными делами в жизни. Генри чувствовал, что эта душевная лёгкость не только из-за волнующих перспектив вечера с Катей. Может быть, именно так душа ощущает приближение смерти как освобождения от забот и суеты? Генри поднял голову и посмотрел на яркие крупные звёзды, равнодушно сияющие на иссиня-чёрном зимнем небосводе.

– Ты как себя чувствуешь? – во второй раз за сегодняшний вечер осведомился он о здоровье спутницы.

– Лучше все-ээх! – пропела она.

– Ты сегодня так сильно кашляла, напугала меня, если честно. Как думаешь, не заразила? – он впервые по собственной инициативе обнял Катю за плечи и приложился щекой к её волосам, ощутив нежный запах духов.

– Нет, это от курения. – Генри с подозрением оглядел свою спутницу. Курила девушка не много, да и редко встретишь курильщика, легко признающего курение причиной своего надрывного кашля. Почти любой курильщик признается, что простыл, подхватил заразу или даже воспаление лёгких, но ни за что не признает курение причиной своих проблем со здоровьем.

– Ну, смотри!.. Если что, сразу говори! – он неожиданно поймал себя на мысли, что сейчас общается с ней, как с ребёнком. Ну и что теперь с этим делать?

Такси ловили долго. Никто не останавливался, да и улицы казались теперь какими-то зловеще пустынными. Наконец, остановился аж целый Мерседес S600. Генри как-то удивительно легко договорился с водителем ехать на другой конец Москвы за пятьсот рублей, они плюхнулись на роскошный диван заднего сиденья и сразу стали целоваться. Катины губы оказались холодными и нежными, а её ладони – горячими и сильными. «За любое счастье и за любой грешок придётся платить», – непонятно из каких глубин всплыла незваная подленькая мыслишка, но думать её дальше не было никаких сил и никакого желания. Водитель включил тихую музыку без слов, поглядывал изредка в зеркало и посмеивался в усы. Один раз, кажется, даже подмигнул, встретившись взглядом с Генри. За хрустальной чистоты стёклами дорогой роскошной машины – чуда немецкого автомобилестроения проплывали нереальные миражи жёлтых огней московских улиц. Местами взмывали ввысь и медленно таяли

искры преждевременных, а возможно, уже и неуместных салютов. До Катиного дома прилетели за рекордные двадцать минут, что ещё вчера в это время суток представлялось совершенно нереальным. Что такое двадцать минут в пути по московским меркам – да разве что со двора выехать. Выйдя с девушкой на морозный воздух, Генри попытался расплатиться с водителем Мерседеса, сунув ему тысячную и намереваясь не брать сдачи. Но новогодние странности продолжались – водитель денег не взял, только грустно пожелал им удачи и счастья. Так прямо и сказал:

– Удачи вам, ребята! А ещё настоящего счастья! – хлопнул дверцей и укатил в морозную ночь, подняв высокий торнадо снежинок.

Игнорируя лифт, они взбежали по лестнице на четвёртый этаж. Задыхаясь от едва сдерживаемого хохота, повозились с замком тамбурной двери, а затем с двумя замками двери Катиной квартиры – руки не слушались и путали ключи, и так не хотелось отвлекаться друг от друга – и ввалились в коридор. Катя заперла замок за своей спиной, пресекла дальнейшие поцелуи, предложила почувствовать себя как дома и, сбросив шубу, упорхнула в ванную, откуда немедленно послышался надрывный кашель, который не в силах был заглушить даже звук включённой воды.

«А ведь если она заболела, то и я уже заразился!» – подумал Генри, безуспешно пытаясь найти в себе хоть какие-то следы страха, печали или волнения по этому поводу. Он разулся, повесил пальто на вешалку в коридоре и прошёл в большую комнату, ступая по бежевому ковру с длиннейшим ворсом. Пушистый серо-голубой британский кот, сидевший на спинке кресла, сверкнул зелёными глазищами, недовольно мяукнул и удалился из комнаты, видимо в сторону кухни. В комнате, служившей очевидно гостиной, Генри присел в кресло и воспользовался пультом, чтобы включить телевизор и найти канал со спокойной музыкой. После пары десятков нажатий такой канал нашёлся, и Генри решил совершенно обнаглеть и перебраться на диван. Он прилёг, подложив под голову удобный валик подушки, и прикрыл глаза в ожидании Кати.

Он сидел на парапете из белоснежного мрамора, на самом краю пирса. Прямо под ногами тёмно-синие валики волн с шипением набегали на валуны, обросшие зелёно-коричневыми водорослями, превращались в белую пену, неспешно сползающую навстречу вновь и вновь накатывающим водным массам.

За шумом прибоя становился практически неслышим залиvistый смех маленькой девочки, совсем крохи, игравшей в прятки с его сыном.

Бесконечный дождь, с завидным упорством уже несколько дней стиравший и без того эфемерные отличия весны и осени, наконец-то закончился, тёмно-серые тучи отступили в сторону горных вершин, видневшихся за морем у самого горизонта. Можно было спокойно сидеть или лежать, хотя бы и целый день, подставив подбородок пока ещё ласковым солнечным лучам. И ни о чём не думать. Можно не вспоминать о необходимости возвращаться в зимнюю стужу, как это бывало раньше, во время редкого семейного отдыха у моря, не приходится мучиться от этой безрадостной мысли, ведь никто не собирается делать такие глупости, и никакое возвращение на север в планы их компании не входит. Да и эта малосимпатичная гороδοобразная клякса, широко раскинувшаяся далеко на севере и называемая Москвой, продолжает называться так только в его памяти, ну и в памяти ещё десятка-другого выживших людей. А не станет их, не станет и этого названия, а останется только огромная масса бетонных развалин, которые превратятся через какую-то сотню лет в холмистый лес. Особенно радует мысль, что можно не думать о зарабатывании денег на старость – даже если он до неё доживёт, никаких денег на свете теперь нет, вернее, эти разноцветные бумажки больше никому не нужны, разве что детям для забавы. Можно, да и просто уже необходимо, забыть об ипотеке и юридических проблемах с квар-

тирой – всё жильё в этом мире, от обычных квартир до роскошных пентхаусов, от загородных коттеджей до средневековых замков, принадлежало теперь ему и его родным.

Над головой громко и отрывисто закричали чайки, устроившие соревнования в скорости и маневренности. В ярко-синем небе ни облачка, ни одного инверсионного следа от реактивных самолётов. Только бездонная голубизна да белоснежные резвящиеся птицы, время от времени попадающие в поле зрения.

Он всё-таки лёг спиной на парапет, вытянув ноги, и прикрыл глаза от солнечного света козырьком бейсболки.

Генри вздрогнул, просыпаясь и не узнавая окружающей обстановки. Через мгновение память о визите в Катину квартиру вернулась, одновременно со смутным беспокойством. Бросив взгляд на экран своего смартфона, он понял, что уже почти полночь – значит, проспал не менее трёх часов. Но где же Катя? Из ванной доносился шум льющейся из крана воды. Нехорошее предчувствие холодной змеёй просочилось к сердцу. Генри подошёл к двери ванной комнаты и осторожно постучал, потом ещё раз и уже громче. Не получив ответа, он приоткрыл дверь и заглянул внутрь. Катя была там. Совершенно голая, она лежала на боку, ноги полусогнуты в коленях, плечи и лицо повернуты к потолку, глаза открыты. Казалось бы, Генри должен был оцепенеть от ужаса происходящего, да видимо такое бывает только в голливудских фильмах. Колени и руки не дрожали, и чувствовал он только бесконечную печаль и досаду. Только сейчас он обратил внимание, какие у неё удивительные глаза, большие и синие. И абсолютно неподвижные. Он подошёл к ней и проверил пульс, прикоснувшись к нужной точке на горле, как учили в детстве, в его спортивном прошлом. Пульса не было. Он дотронулся до горла ещё раз, потом поискал пульс на запястье – ничего. Катя была мертва. Тело оставалось ещё тёплым – видимо времени с момента смерти прошло всего ничего. Нигде не осталось никаких следов падения, крови не было видно ни на теле, ни где-либо ещё. Видимо Катя, когда ей стало совсем плохо, просто легла на пол, скрючившись от спазма, покорчилась на полу, пометалась и умерла. Может быть, звала его на помощь, но он дрых, как сурок.

Бросив последний взгляд на прекрасное, даже после смерти, тело девушки, так и не ставшей его, Генри вышел из ванной, прошёл в гостиную и сел в кресло, прислушиваясь к гулкой пустоте, разлившейся в груди. Как же всё это было бессмысленно!.. За годы своей латентной депрессии он привык закрываться от запредельных душевных страданий, научился рефлекторно отключать эмоции. Рефлекс, хорошо это или плохо, сработал и в этот раз. Немного подумав, Генри, как заправский психопат, хладнокровно вытер носовым платком вещи, к которым прикасался: пульт от телевизора, выключатель в гостиной, ручки на двери в ванной и в коридоре. Затем обулся и оделся, стараясь больше ни до чего не дотрагиваться, вышел из квартиры, не забыв протереть ручку входной двери, спустился вниз, не воспользовавшись лифтом, и вышел во двор.

Спустя несколько дней, вспоминая своё поведение в эти минуты, он понял, что поступил правильно, просто покинув квартиру. Можно было даже отпечатки пальцев не стирать. Когда бушует эпидемия и свирепствует смерть вокруг, кому какое дело, кто и почему был рядом с жертвой в её последние часы. Тем более он той ночью и сам мало надеялся пережить всю эту напасть. Таким образом, не было никаких особых причин ни соблюдать требования закона, ни опасаться уголовного преследования. Слава богу, хватило ума не вызывать стражей порядка, иначе всё могло закончиться совсем уж печально – он живо представил себя одиноко сидящим в запертом «обезьяннике» в отделении полиции, в окружении только мёртвых полицейских. Сколько бы он протянул без воды и еды в этой невесёлой компании?

Он шёл по улице, можно сказать, куда глаза глядят. Лишь бы подальше и поскорее уйти от злополучного места. Шёл и разглядывал звёзды, как в юности, во время частых ночных

прогулок – сегодня небо стало настолько ясным, что можно было даже наблюдать млечный путь, словно летней ночью где-нибудь в глухой деревне. Хорошо и легко смотреть на звёзды, звёздное небо – это обезболивающее и успокаивающее для раненой души.

Только что, буквально на его глазах умер человек, девчонка, с которой вряд ли бы вышло что-то серьёзное, но к которой он успел почувствовать не только покровительственную симпатию, но и некие более тёплые чувства, почти уже забытые с давних романтических времён. Шоковое рефлекторное отупение должно было уже закончиться, но где же нормальные в таких случаях эмоции: грусть, страх, жалость, обида? В душе обосновалась только тупая досада. И вовсе не от того, что сорвался вечер любовных утех, нет. Ведь не рассчитывал же он ни на что ещё сегодня утром, а Катино поведение днём казалось просто шуткой, и дальнейшие поцелуи могли поцелуями и остаться. Вышла бы девушка из ванной и сказала, что она так не может, а он не особенно бы и расстроился, пошли бы вместе на кухню чай пить и с котом играть. Но что-то такое всё же мелькнуло между ними, как мгновенный электрический разряд, как весёлая сумашедшинка, пришедшая в голову обоим одновременно. А теперь вот не осталось ничего кроме досады и пустоты. «А чего ты хотел, головой об асфальт биться? Это что ли нормальные эмоции в подобной ситуации? – Генри вдруг разозлился сам на себя, и ему показалось, что он рисуется перед самим собой со всеми этими досадами и пустотами. – Хватит уже нюни распускать, возьми себя в руки и иди домой, может быть, бог тебя хранит, и ты еще не заразился!» Его вдруг посетила мысль, что смерть Кати – это рубикон в его жизни, некая точка невозврата. Все предыдущие, не менее грозные и жуткие происшествия, произошедшие в последние дни в мире, не касались его лично, а вот мёртвая девушка в ванной, горячие поцелуи которой он ещё чувствовал на своих обветренных губах, разделила причинно-следственную цепь событий на две половины. Теперь всё, что случилось и ещё случится будет либо до, либо после Катиной смерти. Нет, не хочется так говорить, пусть будет просто: либо до, либо после Кати. Вот так. И прежняя опостылевшая, но такая привычная, жизнь осталась позади и уже никогда не вернётся. А в новой жизни ещё только предстоит что-то понять и выработать новые правила поведения и систему ценностей, приобрести новые знания и привычки.

Генри стремительно передвигался по тротуару, чеканя шаг, как бы попирая своими жёсткими подошвами всю вселенскую несправедливость. И только когда пальцы рук и ног совсем онемели от мороза, он поднял руку, призывая такси. Через минуту послышался тихий скрип тормозов и скрежет шипов зимней резины по асфальту. Генри бы не удивился, увидев вновь водителя «Мерседеса» – вот вопросов бы было, но это притормозил какой-то грустный и усталый кавказец на «Ладе-Приоре». Он за полторы тысячи рублей согласился довезти Генри до подъезда, и даже в течение всего путешествия ни разу не попросил показать дорогу, хотя и включил музыкальное радио, как он сказал, на армянском языке. Генри ничего не имел против армянского языка, хотя сейчас предпочёл бы все-таки коньяк, даже несмотря на то, что давно уже не пил алкоголя.

Дома Генри просто рухнул в постель и уснул мёртвым сном без сновидений.

Утром он первым делом поговорил по пока ещё работающему Скайпу с женой – что само по себе уже начинало казаться чудом. Сообщил ей, что здоров, как бык – а так оно и было, к его собственному удивлению. А о вчерашнем любовном приключении и о том, что за ним последовало, естественно предпочёл не распространяться. Жена в свою очередь поспешила успокоить его, рассказав, что все близкие тоже были в порядке, то есть никто вообще не заболел, только тесть ушиб палец на ноге, споткнувшись о порог. Но, честно говоря, в Пензенской области дела обстояли не так уж и радужно. Машин на улицах осталось мало, и это бросалось в глаза. Люди старались не высовываться лишний раз из домов – вот и кто их знает, живы ли они и просто прячутся либо померли уж давно. Несколько раз

на дню во двор тёщиной пятиэтажки приезжала скорая помощь. Увезли Самохиных в полном составе, и бабушку у Борщовых. Но эти все вроде были живы, когда их увозили.

– Вы витамины-то пьёте? – Генри вспомнил про упаковку поливитаминов в виде шипучих таблеток, которые ещё в Москве сунул жене в сумку с вещами, и решил поинтересоваться,годились ли.

– Конечно, пьем, каждый вечер, даже тещу заставляем! Да ты правда не волнуйся, всё будет хорошо. – уверенно сказала жена. – Мне кажется, мы бы уже заболели. Мы дома-то не сидели, общались во дворе со всеми, в магазин ходили и на рынок.

– Марин, слушай меня внимательно, пожалуйста! – Генри обрадовался уверенности жены, но следовало договориться, что делать, если события станут развиваться по наихудшему варианту. – И запоминай. Скорее всего, хорошо уже вряд ли будет. Я смотрю телевизор, смотрю, что происходит вокруг, слушаю, что люди говорят. Так вот, я уверен, эпидемия развивается пугающими темпами, и скоро всё рухнет. Понимаешь? Вообще всё! Выживут, я думаю, только единицы, если вообще кто-то выживет. Возможно завтра, край – послезавтра вырубится вся связь, сотовые, телевидение, Интернет. Не хочу тебя дополнительно пугать, но, короче говоря, ты запоминай! Если случится чудо, и мы вдруг не погибнем, то добираться до моих родителей в Пензе, до их квартиры. Мы с отцом уже так договорились. Едем туда и ждём друг друга там, скажем, месяц или два. Или меньше, если все быстро приедут.

– А как добираться-то, если ничего работать не будет?

– Марина, ну чего ты как маленькая, что значит, как? Неужели не понимаешь?

– Ну, нет, если честно. Хватит мне загадки загадывать, говори уже!

– Хорошо. Значит, делаешь примерно так. Выходишь на улицу и выбираешь самую хорошую машину. Точнее ту, от которой удастся найти ключи. И едешь. В магазинах останутся тонны продуктов. Пока зима, холодно, мало что быстро испортится. В общем, разберётесь. Я, если жив буду, тоже к вам подгребу. Вместе и подумаем, как жить дальше.

– А как же мы ключи найдём?

– Марин, придётся по освободившимся квартирам походить, приятного мало, конечно, но на войне, как на войне!

– Господи, ужас какой-то... Генри, а вообще с чего ты взял, что все умрут, а мы с тобой выживем?

– Да есть предчувствие такое!.. И сны ещё странные... Потом расскажу. А самое главное, что мы с тобой здоровы и чувствуем себя до сих пор хорошо. Ну всё, берегите себя там! Я сейчас ещё со своими поговорю. Ну, давай, пока, моя хорошая!

– Пока, люблю тебя!

– И я тебя. – сказал Генри и повесил трубку.

Звонок родителям к счастью ещё прибавил ему немного оптимизма – заболевших среди родных и по этой линии не было. Отец подтвердил, что примет у себя всех выживших родственников, а приезда Генри из Москвы дожётся просто обязательно. Ему, похоже, очень нравилась эта роль организатора многочисленной родни, человека, который в любой критической ситуации точно знает, что надо делать. А ещё отец, возможно, имеет какие-то планы дальнейших действий, раз говорит, что дожётся сына – может что ли кого-то не дожждаться? Ну, поживём – увидим! Генри с отцом договорились, что до последней возможности будут держать связь, любыми доступными средствами. В середине разговора к экрану подошла мама и предложила сыну не тянуть кота за хвост и выехать в Пензу уже сейчас и ехать потихоньку, никуда не спеша, может быть, заехать к теще по пути, но он, подумав немного о том, не рано ли они с родственниками принялись отрабатывать полноценный апокалиптический сценарий, решил отказаться. Надо было завтра попробовать выйти на работу, а вдруг всё ещё наладится, чем чёрт не шутит... Отчитывайся потом за прогул! Но тут же он осознал всю безнадёжность этой, увы, призрачной надежды и, к стыду своему, не ощутил особого

желания, чтобы всё наладилось и вернулось на круги своя. Великие перемены уже начались, и хотим мы этого или нет, придётся пройти по этой грозной дороге до самого конца, каким бы он ни был. Впрочем, каждый человек этим и занимается всю жизнь, если конечно он не самоубийца, решивший самовольно прервать уготованные ему судьбой испытания – а Генри самоубийцей не был.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.